

Эстафета духа

Семьдесят лет – ничтожно малая доля более чем тысячелетней истории Руси. Но они оказались удивительно емкими, плотно вобрав в себя уже более неповторимые события, неизменно изменившие не только облик моей Родины, но и характер моего народа. За этот срок столь многое произошло впервые, что даже простое перечисление не каждому под силу. Большая часть этих «впервые» выпала на долю людей, появившихся на свет на рубеже второго-третьего десятилетий нынешнего века.

Начать хотя бы с того, что многие из наших учителей были первыми учениками первой советской школы, ставшей своего рода зародышем, из которого развилась и выпестовалась средняя школа, отмечающая нынче свой 70-летний юбилей. Школа была детищем своей трудной и деятельной эпохи. Наши наставники, переняв эстафету жизни от своих предков и обогатив ее опытом своего поколения, передали ее в наши трепетные руки, сохранив нетленную ценность – национальное самосознание русичей.

Хочется с теплотой назвать их поименно.

Наставники

Федор Петрович Тумашов, преподаватель физики, химии и астрономии. Заядлый садовод, он первым в нашем уютном медвежьем углу заставил плодоносить яблоню. Демократ не по блудливому словоизвержению, а по сути своей натуры, он мог оттаскать за вихры не в меру развеселившегося на уроке шалопая и на глазах восхищенных питомцев после короткого разбега молодцом сигануть на пятую ступеньку крутой лестницы. Его стараниями в школе была оборудована физико-химическая лаборатория, в которой мы кропотливо собирали миниатюрные электромоторчики и наблюдали за ходом химических реакций. Одна из таких реакций завершилась взрывом: содержимое пробирки пульнуло в потолок, оставив на нем живописную кляксу. Федор Петрович собрал нас у места происшествия и доходчиво объяснил, что незадачливый экспериментатор не до конца учел соотношение задействованных ингредиентов.

Мы ополовинивали домашние запасы, сооружая из спичек и парафиновых свечей пространственные решетки метана, изобутана и того же парафина. Не забудем, что в тридцатые годы атом не только назывался, но и считался соответственно своему первородному имени неделимым.

Елена Александровна Зырянова, учительница немецкого языка. Если говорить честно, плюсквамперфекты испарились из наших голов вскоре после выпускных экзаменов, но на войне мы как-то «договаривались» с противником. Из памяти

не изглядят инсценировки, которые мы ставили на школьной сцене и даже перед поселковой интеллигенцией. Помнится, вершиной моего творчества стала роль толпы в «Дубровском».

Однажды у 9 «Б» последним уроком оказался немецкий. Елена Александровна привычно угнездилась на высоком табурете и даже раскрыла классный журнал; мы приготовились страдать до конца. Вдруг учительница побледнела и балетным антраша оказалась около двери, за которой и укрылась. Самый отпетый из нас поднялся со своего места, отвязал от табурета и продемонстрировал классу обыкновенную серую мышь, которой, в отличие от учительницы, он не боялся.

Но будь я проклят, если все мы не любили и не уважали нашу милую учительницу, находившую время и силы для возни с нами, сорванцами, во внеурочное время. Бесстрашный же мышелов не вышел на аттестат зрелости по причине вполне уважительной. На войне он нашел применение своей натуре, став летчиком-истребителем.

Нестерпимо хочется рассказать о каждом из наших наставников тепло и подробно, но законы жанра суровы. Лишь о двоих и еще об одном невозможно не упомянуть, рискуя обратить затеянный труд в пустышку.

Двое – это завуч Константин Николаевич Ромашов и директор школы Борис Георгиевич Коровин. Ромашов жил бобылем и неоднократно увлекал меня половить наметкой язей в мутной, текущей вровень с берегами весенней Турье. В каникулы он не гнушался играть с нами в чехарду, и тогда не было отбоя от желающих прокатиться на широкой спине завуча; об обратном рейсе как-то не думалось (Ромашов был грузен таки). Однако демократия и панибратство – разные вещи. Под внимательным взглядом Константина Николаевича стушевывались самые отчаянные сорванцы, без которых история всех школ выглядела бы пресноватой. А за спиной у шалопая молчаливо возникали фигуры вчерашних «чехардистов», готовых к действиям, не поощряемых педагогикой.

Коровин, напротив, был неукоснительно строг и требователен. Он пришел в школу в форме военного летчика и с первого дня добился порядка, который на моей памяти не нарушался.

Летом в школе царила звенящая тишина. Устав от рутинных отчетов, Борис Георгиевич открывал крышку престарелого пианино, Ромашов вставал рядом, и они начинали тихо, но напористо:

Смешны мне иные поэты,
Что волос седой теребя,
Волнуются: молодость, где ты?
Куда мы теперь без тебя?

Постепенно мелодия переходила в крещендо, пианино выкладывалось до последнего. А когда гроыхали завершающие слова: «товарищ, мы молоды духом, о старости думать нельзя», начинало звенеть стекло во фрамуге и дверном притворе, появлялось испуганное лицо школьной технички Веры: голоса у певцов

были будь здоров!

«Еще один» был учитель рисования и черчения Александр Семенович Мелехин. Рафаэль определенно учился в какой-то другой школе. Мелехин проложил глубокую борозду в наших судьбах совсем в другой области: он был еще и военруком.

С твердым убеждением готов заявить: мой неробкий народ был готов к июню 1941-го в духовном смысле, а в военном насколько позволяли стесненные обстоятельства; злобные эссе очернителей истории пусть останутся на их совести, если таковая имеется. В числе происходившего впервые в нашей стране был и Всеобуч (всеобщее военное обучение). В школе военная подготовка носила повальный характер. У истоков ее стоял военрук Мелехин. Военное дело считалось обязательным предметом с шестого по десятый классы. Многие из нас сделали его для себя профилирующим и стали добровольцами Великой Отечественной. Не обремененные комплексом выживания, мы встретили войну глаза в глаза и не отвели взора.

Строевую подготовку знали все ученики, материальную часть и боевые свойства стрелкового оружия, правила противовоздушной обороны, а также санитарное дело большинство, основные уставы и приемы рукопашного боя – многие: параллельно с классными занятиями, во внеурочное время в школе работали военные кружки Осоавиахима. Классные уроки военного дела служили формой, которую кружки «до пробки» заполняли конкретным содержанием. Для того, чтобы пробиться к заветной мальчишеской мечте – пострелять из «настоящей» винтовки, им приходилось познавать слишком многое, чтобы считать это пустяком. В итоге аттестат об окончании школы получали граждане призывного возраста, уже прошедшие на практике курс молодого бойца. И – патриоты. Как бы ни изгалялись над этим словом новейшие геростраты, их сбивчивое бормотание останется тем, чем оно является изначально – дешевкой.

Добровольцы

Те, кто без предубеждения читал о напряженной работе военкоматов в первые дни войны, наверняка отметили, что наряду с рутинной мобилизационной напряженкой на них легла едва ли не такая же дополнительная нагрузка из-за наплыва добровольцев. С мобилизованными было проще и легче. Куда хлопотнее оказалось иметь дело с добровольцами: их выпроваживали в одну дверь – они торкались в соседнюю, и дело отнюдь не всегда кончалось уговорами повременить. А ведь люди рвались не в загранкомандировку – на войну. Невольно думается: если «совкам» были присущи такие порывы, то честь им и хвала, а не вернувшимся – вечная слава.

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступаю в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии...» Эти жесткие и торжественные слова первыми из нас в 1939 году произнесли Алексей Субботин в Тюменском пехотном, Александр Макаров – в Ульяновском танковом и Сергей Плюснин – в Пермском

авиатехническом училище. А в августе сорокового по достижении совершеннолетия уже больше десятка добровольцев ехали в Челябинское училище штурманов. Интересная деталь: только в одной из учебных эскадрилий нас, мальчишек, выходило на вечернюю поверку больше трех с половиной сотен. А ведь были в стране и другие эскадрильи, роты, экипажи и батареи, состоявшие из добровольцев первой довоенной волны. Трудно сказать, какие военруки и организации Осоавиахима были в тех школах, из которых они прибыли в военные училища. Непреложен и куда более весом факт, что к началу войны Красная Армия располагала контингентом специалистов, беззаветно посвятивших себя защите Родины.

Вторая волна добровольцев состояла из тех, кого вконец затурканные военкоматчики только что не взашей выпроваживали из прокуренных кабинетов в не менее прокуренные коридоры.

Выскачок, зубрил и паинек средь нас не водилось. Дети и наследники нравов заштатного горняцкого поселка, мы с детской непосредственностью табунились вокруг душевно щедрых подвижников народного образования, с инстинктом зверенышей сторонились злых и с мальчишеской жестокостью до конца преследовали незадачливых, случайных учителей (было и так). А если на что и жаловались, так это на бессонницу во время скучных уроков.

Война одинаково равнодушно метила и вчерашних выпускников школы, и их наставников. Имена их выбиты рядом на горьких обелисках от Курил и до сопот Маньчжурии, от Сталинграда и до берегов «Последнего моря», куда ступила нога советского солдата. Их полукаторжный ратный труд вписан в Книги Памяти, на плиты городского мемориала, на мраморные таблички и надгробные памятники преждевременных могил. И только в одном списке не значатся их имена – в черном списке оборотней, предателей и перевертышей. Над этим стоит задуматься.

Н. ПАВЛОВ.

Павлов, Н. Эстафета духа : [к 70-летию со дня основания средней общеобразовательной школы № 1 г. Краснотурьинска] / Н. Павлов // Заря Урала. – 1994. – 15 дек. (№ 150). – С. 2-3.